

Репрессии против немецкого населения в 1920–1941 гг.

В статье рассмотрен вопрос о специфике внимания к немецкому населению со стороны репрессивных органов, предложена периодизация репрессий в отношении немецкого населения СССР, обозначены причины провала национально-культурной политики 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: репрессии в отношении немецкого населения, масштабы репрессий, национально-культурная политика, Одесский немецкий педагогический институт, национально-культурные потери.

The article discusses a question of the specific attention to the German population by the repressive bodies, proposed periodization of repressions against the German population of the USSR, marked the reasons for the failure of the national cultural policy of 1920–1930.

Keywords: repressions of the German population, the extent of repression, national cultural policy, Odessa German Pedagogical Institute, national and cultural losses.

С установлением советской власти террор становится основным способом разрешения конфликтов между властью и населением, а репрессии — его важнейшей составляющей. С 90-х гг. XX в. тема репрессий становится объектом научного исследования: публикуются научные статьи, списки репрессированных; издаются «Мартирологи», Книги памяти, мемуары. Большое научное значение приобретает публикация официальных документов по теме¹. Однако комплексному научному исследованию репрессий препятствует отсутствие точного определения базовых понятий ввиду их многозначности и различной трактовки.

Внутриполитический фон первых десятилетий существования советской власти хорошо известен. Насильственный захват власти, национализация частной собственности, принудительное изъятие сельскохозяйственной продукции, ликвидация доходных хозяйств (раскулачивание с выселением и конфискацией имущества хозяев), насильственная коллективизация, отделение школы от церкви привели к уничтожению сложившейся структуры сельского хозяйства регионов, разрушению личных хозяйств, распаду семей из-за арестов и высылки, уничтожению традиционного образования.

Последствия проводимой социально-экономической политики наряду с другими национальными группами ощутило на себе немецкое

население региона. Особое внимание к нему со стороны репрессивных органов было обусловлено: 1) близостью к европейской границе, 2) нахождением австрийских и германских военных формирований на территории региона во время первой мировой войны и их контактами с местным немецким населением, 3) антибольшевистским восстанием немецких колонистов в 1919 г., получившим название «Гросслибентальского», 4) наличием германского консульства в Одессе, 5) свержением монархии в Германии.

Политические изменения в Германии как бы уравнивали социально-экономическую ситуацию в обеих странах, но одновременно породили ревность советских властей из-за более высокого уровня жизни ее населения, особенно крестьянства².

Кроме того, власти располагали сведениями о том, что с осени 1918 г., в связи с опасностью прихода большевизма, симпатии немецкого населения региона были на стороне Германии³. Этому, отчасти, способствовала война. Нередко мобилизованные в армию российские немцы подвергались унижению из-за своей национальной принадлежности и им приходилось слышать необоснованные обвинения в предательстве⁴. Конфликт на национальной почве, порожденный антинемецкой кампанией 60-х гг. XIX в., оказался неразрешимым ни в условиях войны с Германией, ни в послевоенные

годы. Неприятие советской власти значительной частью благополучного в экономическом отношении немецкого населения неизменно должно было привести к радикальному способу разрешения конфликта между ними — репрессивному.

Примером масштаба экономической, социальной и семейной катастроф одновременно может служить распад семьи Шлоссер (Шлессер) из села Баден, все мужчины которой были лишены права хозяйствования на земле, которая им когда-то принадлежала. Согласно справке Баденского сельсовета от 5.11.1935 г., Венделин Шлоссер, учитель, руководитель восстания 1919 г. в Бадене, в 1930 г. был раскулачен и выслан на Север. Его сын, Бернгард, после окончания учительской семинарии (1910) в г. Новомосковске учительствовал в Канделе, Эльзасе, Бадене. В 1914 г. был мобилизован в армию, в 1922 г. вернулся в Баден на прежнюю должность. В 1924—1925 гг. там же заведовал ликбезом, в 1925—1930 гг. — семилеткой в с. Кандель⁵. В 1930 г. был «вычищен» из школы во время кампании по чистке соваппарата от антисоветских элементов и переехал в Одессу, где устроился бухгалтером артели «Червоный гужтранс». В сентябре 1935 г. был арестован органами НКВД по Одесской области по обвинению в антисоветской агитации и участии в немецком контрреволюционном формировании⁶. В том же году у него были конфискованы половина дома и виноградник.

Кроме Б. Шлоссера, по делу было привлечено 8 человек. Причиной ареста всех обвиняемых было получение материальной помощи из Германии (в количестве 8—10 марок) и использование для этих целей дипломатической почты через германское консульство в Одессе⁷. 14 декабря 1935 г. дело в отношении Б. Шлоссера было прекращено «за недостаточностью собранных данных для привлечения к уголовной ответственности»⁸.

Брат Бернгарда, Александр, служил в белой армии и бежал за границу; второй брат, Адам, был расстрелян в 1920 г. за убийство двух коммунистов в селе Страсбург. Дядья: Шлоссер Лоренц, в 1930 г. раскулачен, лишен избирательных прав, выслан за пределы района; Шлоссер Михаил, также раскулачен и выслан на Север; Шлоссер Франц-Иосиф, осужден на 5 лет за «распространение гитлеровских марок»⁹.

Репрессии в различных проявлениях, отмена частной собственности, навязывание атеистической идеологии являлись основными причинами неприятия советской власти немецким

населением всех сословий: крестьянами, рабочими, служащими, духовными лицами¹⁰. С укреплением позиций большевиков отчаяние охватывало все большую часть населения. Многие видели выход в эмиграции, к которой подталкивали ухудшение условий жизни, материального обеспечения, преследования со стороны властей, страх погибнуть, если ничего не изменится¹¹. С каждым годом количество желающих покинуть советскую Россию увеличивалось. Поскольку власти отказывали в выдаче загранпаспортов, население Одесского региона предпринимало попытки нелегального перехода румынской границы. Многие искали способы отправить за границу хотя бы детей. Немногим это удавалось¹².

Лишившись своих хозяйств, недавние крестьяне переезжали в город. Отсутствие работы и, как следствие, материальные трудности побуждали обращаться с просьбой о помощи в созданную в Германии еще в 1921 г. для оказания помощи голодающим организацию «Шварцмеергильфсверк» с центром в Берлине. Открытая переписка была невозможна. В Одессе, благодаря знакомству дочери-школьницы безработного А. Шилле Лидии с дочерью германского консула Рота, использовалась дипломатическая почта. Письма в Берлин пересылались кружным путем. В итоге через «Deutsche Bank» г. Сталино некоторые адресаты в Одессе и области получили германские марки¹³ или голландские гульдены, в основном не более десяти¹⁴. Репрессивные органы с помощью спецотдела Торгсина устанавливали получателей помощи, что являлось основанием не только для арестов и высылки, но и для расстрелов¹⁵.

Обвинения немцев в связях с Германией и фашистскими организациями получили широкое распространение. Положение ухудшилось после того, как они стали получать материальную помощь со стороны различных организаций и банков Германии в связи с массовым голодом. Получателей помощи называли контрреволюционерами и агентами германского фашизма. В феврале 1936 г. приговором спецколлегии Одесского областного суда А. Шилле был приговорен к расстрелу с конфискацией всего имущества, в том числе и за то, что помогал родственникам и знакомым через посредничество германского консула получать материальную помощь из-за границы¹⁶.

К концу 1920-х гг. репрессии стали принимать массовый характер. Зажиточных крестьян лишали избирательных прав, привлекали к уголовной ответственности за отказ от са-

мообложения, выполнения хлебозаготовок, подписки на займы. Духовенство обвинялось в антисоветской деятельности. Репрессивные меры в отношении немецкого населения в различные годы были неоднородными. Особой жестокости репрессии достигли с января 1930 года, когда началась кампания по «сплошной коллективизации», которая сопровождалась массовым раскулачиванием. Весной 1930 г. Одесский окружной отдел ГПУ фиксирует усиление антисоветской агитации. В ряде сел Одесского округа произошли массовые волнения, часть которых переросла в вооруженные выступления. На основании собственного и еще недостаточного опыта работы с документами в архиве СБУ Одесской области автор условно разделил 1930-е гг. на следующие этапы:

1. 1930–1935 гг. Дела в большинстве своем рассматривались судебными инстанциями, что создавало впечатление законности. Характерна относительная мягкость приговоров — административная высылка, надзор, исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ)¹⁷ сроком не более 5 лет, поражение в правах (от 2 лет); значительное увеличение репрессивных решений и расстрелов в 1933 г., т. е. с момента ухудшения отношений между СССР и Германией¹⁸. В ноябре 1934 г. в аппарате НКВД было выделено специальное направление по работе с немцами.

2. 1935–1938 гг. Постепенная передача дел на рассмотрение судебным тройкам при коллегии ГПУ. Увеличение в десятки раз количества арестов, репрессивных решений и расстрелов. Массовый террор 1937–1938 гг. Преобладание «расстрельных» приговоров с августа 1937¹⁹. В партийных документах сообщалось о разоблачении в немецких районах Одесской области с 1933 по 1937 г. 124 фашистских, шпионских, диверсионных и повстанческих организаций и о намеченном выселении из немецких районов до 5000 семей. Немцев осуждали по всем политическим процессам. Фальсифицируя дела, НКВД объединял родственников, друзей, соседей, просто знакомых в организации, отряды, группы, привлекая к уголовной ответственности десятки людей одновременно. В практику вошли массовые аресты жителей в колониях и национальных районах²⁰.

3. 1939–1940 гг. Ослабление строгости приговоров в связи со сменой руководства НКВД (т. н. «бериевская» оттепель). На такое ослабление в отношении немецкого населения могло повлиять улучшение отношений с Германией и под-

писание пакта о ненападении между Германией и СССР в августе 1939 г.

К концу 1930-х гг. в результате репрессий были физически истреблены десятки тысяч немцев. Тысячи граждан немецкой национальности были арестованы, принудительно высланы с мест постоянного проживания в исправительно-трудовые лагеря в отдаленных районах СССР. В ГУЛАГе на 1 января 1939 г. их числилось 18,5 тыс. или 1,4 %, тогда как немецкого населения в СССР насчитывалось 0,7%²¹. Полученные данные позволяют судить об масштабах репрессий. По данным «Одесского мемориала» немцы в Одессе и Одесской области составляли 15,4% от общего количества репрессированных. По количественному показателю они занимали третье место после украинцев и русских (10 318, 4 669 и 4 002 человека соответственно), однако по количеству расстрелянных немцы оказались на первом месте (47,02 % от общего числа репрессированных немцев, 32,32 % украинцев и 28,95 % русских)²².

На таком внутривосточном фоне реализовывалась национально-культурная политика, которая, по утверждению советских властей, должна была возродить культуру национальных меньшинств. Репрессивные методы проведения и пропагандистский характер обрекли ее на провал. Остановимся более подробно на методах проведения советской национально-культурной политики, которые явились причиной ее несостоятельности. Возвращение в национальные школы родного языка сопровождалось реализацией Декрета об отделении церкви от школы. Изъятие из школ учителей вероучения, отстранение обществ от назначения учителей противоречили традиционному религиозному характеру немецкой школы, лишали власти опоры среди местного населения, вели к нехватке учительских кадров²³. Не решило проблему и создание немецких секций в отделах народного образования. Их не удалось укомплектовать национальными партийными кадрами. Проблема кадров была основной в их деятельности, о чем говорит хронология назначения сотрудников, лихорадочность их замены и перемещений²⁴. Нередко назначение получали служащие, биографические данные которых никак не соответствовали занимаемым должностям и являлись основой для будущих репрессий.

В течение нескольких лет (до 1928 г.), должность заведующего немецкой секцией Одесского окружного, а затем губернского отделов народного образования занимал Альвайль

Зигурд (Зигор) Адольфович, уроженец Галиции, бывший прапорщик австрийской армии, оставшийся в Одессе в 1919 г. после заболевания сыпным тифом, еврей, беспартийный. Несмотря на относительно удачную дальнейшую карьеру (профессор института связи в Одессе, директор кооперативно-учебного комбината), в 1933 г. он был арестован ГПУ УССР по обвинению в принадлежности к «украинской контрреволюционной подпольной повстанческой организации». По постановлению судебной тройки при коллегии ГПУ УССР от 14 ноября 1933 г. был заключен на 5 лет в ИТЛ. Наказание отбывал в Соловках. В октябре 1937 г. по постановлению тройки при УНКВД по Ленинградской области был расстрелян без возбуждения следствия на основании имевшихся в личном деле оперативных данных. Реабилитирован посмертно в октябре 1959 г. президиумом Одесского областного суда «за отсутствием состава преступления»²⁵.

С 1923 по 1925 г. должность заведующего немецкой секцией губернского отдела народного образования занимал Венделин Мерклингер, уроженец с. Кляйнлибенталь (Малодолинское), выходец из зажиточной семьи, бывший органист костела, беспартийный. В ноябре 1933 г. постановлением судебной тройки при коллегии ГПУ УССР был приговорен к 3 годам ИТЛ за принадлежность к немецкой контрреволюционной организации. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в июне 1994 г. прокуратурой Одесской области из-за отсутствия «совокупности доказательств его вины в предъявленном обвинении»²⁶.

Решить проблему подготовки национальных педагогических кадров для сельских немецких школ, из которых были изгнаны духовные лица, был призван Одесский немецкий пединститут. Он был основан в 1934 г. в атмосфере неприятия населением советской школы, дефицита научных национальных кадров и распространявшихся репрессий. Идея была обречена на провал из-за массового террора среди работников образования, располагавших, по мнению НКВД, огромными возможностями для вредительства в процессе образования. Большинство директоров, преподавателей и студентов института, просуществовавшего всего 4 года, были репрессированы. Особо красноречивым является тот факт, что к лету 1935 г. наиболее дефицитными специалистами в немецком учебном заведении стали преподаватели немецкого языка, литературы и методики преподавания немецкого²⁷.

Террор был основным препятствием в реализации политики национально-культурного возрождения в области народного образования. Он уничтожал как противников, так и адептов советской власти. Свидетельством является судьба отдельных сотрудников Одесского немецкого пединститута.

Первым его директором был уроженец Силезии, эмигрант из Германии С. С. Флякс, который занимал должность с мая по август, т. е. четыре месяца. Он приехал в Россию в 1923 г., в 19-летнем возрасте, при содействии исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМа). Законченного образования не имел. В СССР прошел идеологическую подготовку: окончил годичные курсы политработников, до 1925 г. работал в Донецком губернском комитете Коммунистического союза молодежи (КСМ), затем на Волыни, в Херсоне и Мелитопольском округе в отделах народного образования. В конце 1929 г. поступил в распоряжение Харьковского окружного комитета КП(б)У, по решению которого был направлен на преподавательскую работу в Харьковский институт народного образования (ИНО). В 1932 г., после защиты диссертации, был направлен в Одесский педагогический институт²⁸, в составе которого находился немецкий сектор. Кратковременность его пребывания в должности директора Одесского немецкого пединститута говорит о том, что его фигура была проходной, призванной решить, скорее всего, первоначальные идеологические задачи. Вся его трудовая деятельность была связана с украинским пединститутом.

С. Флякс был убежден в своей защищенности от политических репрессий в СССР, так как у него не было причин, склоняющих на контрреволюционный путь. По его словам, он был превосходно обеспечен материально, занимал солидное общественное положение, активно участвовал в партийной жизни, имел великолепную квартиру, был увлечен работой²⁹. Однако в 1937 г. его исключили из партии «за связь с врагами народа», а в январе 1938 г., уже профессора и заведующего кафедрой, арестовали по обвинению в принадлежности к контрреволюционной террористической украинской организации³⁰. С. Флякс был приговорен к лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества³¹. Определением военной коллегии Верховного суда мера наказания была заменена: лишение свободы на отбывание в ИТЛ на тот же срок³². Освобожден в январе 1948 г., в 1955 г. после пе-

ресмотра дела по его кассационной жалобе был реабилитирован Верховным Судом СССР³³.

Т. Я. Молчадский был назначен директором Одесского немецкого пединститута областным комитетом партии 2 февраля 1935 г.³⁴

Его деятельность, направленная на обеспечение института квалифицированными научно-педагогическими кадрами, на выполнение плана набора студентов, явилась впоследствии основанием для предъявления ему политических обвинений. В связи с дефицитом кадров, вызванным увеличением количества репрессированных органами НКВД преподавателей и студентов, он приглашает политэмигрантов из фашистской Германии: доктора философии Тео Малькмуса, специалиста по немецкой литературе профессора Джона Вильфа. Оба работали недолго, что, возможно, спасло их от репрессий. Показательна история увольнения в 1936 г. Дж. Вильфа после трех месяцев работы. Она говорит о том, что сам Т. Молчадский был вынужден прибегать к политическому шантажу. Дж. Вильф просит уволить его в связи с невыполнением обещанных материальных условий. В ответ Т. Молчадский, не желая терять специалиста, угрожает обвинить его в допущении политических ошибок на занятиях³⁵.

На различных должностях, как это и планировалось в национальном учебном заведении, работали немцы: политэмигранты Вилли Дельвенталь и Густав Бург, Ган, А. Шютц, Вагнер, М. Гофман. Все они впоследствии были разоблачены как враги и репрессированы, а Т. Молчадский был обвинен в приглашении на работу «враждебных элементов»³⁶. Стремление во что бы то ни стало обеспечить набор студентов, что было нелегко по многим причинам³⁷, привело к обвинению в том, что он «засорил институт контрреволюционными элементами», набирая сыновей кулаков, неподходящих по политическим взглядам, знаниям и возрасту политэмигрантов, которым платили персональную стипендию³⁸.

Деятельности Т. Молчадского на посту директора препятствовали также обстоятельства личного характера. Он возглавил институт в год ареста жены (1935), которую обвинили в троцкизме. Оказавшись в сложной ситуации, он отрицал свою связь с ней. По его словам, после ее ареста не читал ее писем и не отвечал на них; полученную от нее телеграмму сдал в областной партком, другую отказался принять³⁹. Однако репрессии избежать не удалось: в декабре 1937 г. на основе показаний бывшего заведующего отделом школ Одесского обкома

КП(б)У он был арестован за принадлежность к контрреволюционной правотроцкистской организации. Следствие длилось до 1939 г., чем объясняется сравнительно мягкий приговор — 3 года ИТЛ и 2 года поражения в правах. В деле сохранилась кассационная жалоба его 11-летнего сына, вступившегося за отца. В апреле 1940 г. Т. Молчадский был реабилитирован из-за отсутствия данных для обвинения и в мае того же года освобожден⁴⁰.

Такова ситуация с руководством института. История обвинения декана Альмы Шютц (Шутц) в троцкистской контрреволюционной деятельности (ст. 54–10 УК УССР) является свидетельством абсурда происходившего. Она была арестована органами УНКВД по Одесской области в октябре 1936 г. за связь «со скрытым троцкистом Бартельсом, проживающим в Москве»⁴¹. Бартельс, член ВКП(б) с 1917 г., работал переводчиком в Коминтерне. А. Шютц встречалась с ним в связи с приглашением его на преподавательскую работу в Одесский немецкий пединститут. От предложения Бартельс отказался. Одесский УНКВД оказался в парадоксальной ситуации: А. Шютц арестована за связь с человеком, который не был репрессирован и продолжал работать в Коминтерне. Следствие затянулось ввиду отсутствия других данных о контрреволюционной троцкистской деятельности арестованной. Выручили коллеги из управления НКВД по Ленинградской области, расследовавшие дело по обвинению работников Ленинградского педагогического техникума Ф. Циглера и П. Пеннера «в фашистской контрреволюционной деятельности». Имя А. Шютц фигурировало в показаниях П. Пеннера, она подтвердила знакомство с ним, что явилось основанием для ее обвинения в контрреволюционной деятельности органами НКВД по Ленинградской области⁴². Реабилитирована в 1956 г.

Ситуацию с профессорско-преподавательским составом характеризует дело т. н. антисоветской немецкой организации Одесского педагогического института, по которому были осуждены профессора немецкого сектора Р. Миквиц и А. Штрем. Оба были исследователями в области гуманитарных наук, авторами школьных учебников для немецких школ, квалифицированными методистами. Оба внесли значительный вклад в становление и развитие немецкого научного краеведения в Украине⁴³. Оба были осуждены в феврале 1934 г. тройкой ОГПУ на пять лет ИТЛ как руководители немецко-фашистской контрреволюционной организации и погибли в ссылке. По делу также

проходили и были осуждены доцент математики А. Райх «за слишком частую и необоснованную рекомендацию студентам немецкой литературы», другие преподаватели одесских вузов и школ⁴⁴.

В Государственном архиве Одесской области в фондах Р-1561 и П-11 отложились документы, связанные с деятельностью института. Совместно с документами фонда прекращенных дел (закончившихся реабилитацией) архива СБУ по Одесской области они дают представление об атмосфере, царившей в институте. Взаимоотношения преподавателей и студентов приобрели уродливый характер ввиду утвердившейся атмосферы подозрительности, нездоровой политической и идеологической активности. Конфликты в институте провоцировались, становились предметом разбирательства партийных органов, затем НКВД. Сигналом служили партийные и правительственные постановления, за которыми следовали проверки, выводы, аресты...

Не лучшей была ситуация и в средних профессиональных учебных заведениях. Агрономический немецкий техникум в бывшей колонии Ландау, основанный в рамках национально-культурной политики в 1930 г., также не был обеспечен профессиональными национальными кадрами. В результате занятия

не соответствовали расписанию, часто были перегружены одними и теми же предметами. Руководство техникума обвиняли в недостаточном количестве политбоев, слабой антирелигиозной пропаганде. Среди студентов были добровольцы, которые «выявляли классово чуждый элемент», который отчислялся из техникума. Немало было и тех, кто его покидал добровольно⁴⁵.

Пропагандистский характер и репрессивный способ проведения национально-культурной политики логично подвели к ее ликвидации в 1938–1939 гг.

Репрессии против немецкого населения привели к катастрофическим национально-культурным потерям. Был уничтожен цвет национальной интеллигенции, искоренялась церковь, снижался общий культурный уровень, в том числе из-за изъятия курсов родного языка и истории из программ учебных заведений. Свертывались этнографические исследования, игнорировалась а затем полностью замалчивалась история российских немцев и их вклад в экономическое и культурное развитие России и СССР. Постепенно утрачивался язык даже на бытовом уровне, образ жизни, менталитет. Все это отразилось на нравственном самочувствии нескольких поколений немцев, которые фактически были лишены национальности и Родины.

1. *Чернова Т. Н.* Российские немцы: Отечественная библиография 1991–2000 гг.: указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. — М., 2001. — С. 108–112; Этнические сообщества Украины: история, современность, будущее: сб. ст. / под ред. А. А. Дынгеса, С. Ю. Кузнецовой. — Донецк, 2006. — С. 312–314, 314–338, 336–384; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В. А. Ауман, В. Г. Чеботарева. — М., 1993. — 445 с.; Немцы Украины — жертвы сталинских репрессий. 1929–1955 г.: сборник документов / сост. А. А. Дынгес, Ю. А. Дынгес. — Донецк, 2002. — С. 124; Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 1–4 / сост. Л. В. Ковальчук, Г. А. Разумов. — Одесса, 1997, 1999, 2005, 2006.
2. Данные причины сформулированы на основе анализа изученных документов архива Управления Службы безопасности Украины (УСБУ) по Одесской области, ссылки на которые представлены ниже.
3. Архив УСБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д. 24082-п. — Л. 34–37.
4. Там же. — Д. 26834-п. — Т. 2. — Л. 205.
5. Там же. — Д. 27754-п. — Т. 2. — Л. 175.
6. Там же. — Т. 1. — Л. 78.
7. Там же. — Т. 1–2. — Все дело.
8. Там же. — Т. 1. — Л. 88.
9. Там же. — Д. 27764-п. — Т. 1. — Л. 85.
10. Там же. — Д. 24082-п. — Л. 34–37.
11. Там же. — Д. 27764-п. — Т. 1. — Л. 147.
12. Там же. — Л. 133 об.
13. *Плесская Э. Г.* Немцы Причерноморья. — Одесса, 2008. — С. 108–109.
14. Архив СБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д. 27754-п. — Л. 133–134, 150.
15. Там же. — Л. 118–120, 121.
16. Там же. — Л. 302–303.
17. Так стали называться бывшие концентрационные лагеря.

18. Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесщины за годы советской власти / сост.: Л. В. Ковальчук, Г. О. Разумов. — Одесса, 1997. — Т. 1. — С. 670.
19. Там же.
20. *Плесская Э. Г.* Немцы Причерноморья. — Одесса, 2008. — С.112.
21. Немцы России: Энциклопедия. — Т. 1. — М., 1999. — С. 685.
22. Там же. — С. 114.
23. *Плесская Э. Г.* Немецкая национальная школа в 1920–21 гг. (на примере Одесского уезда Одесской области)// Немцы Одессы и Одесского региона: сб. докладов, сделанных на межд. науч. конф. в Гёттингене (Германия). — Одесса, 2003. — С. 266–286.
24. Там же. — С. 272.
25. Архив СБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д. 10990-п.
26. Там же. — Д. 26834-п. — Т. 3. — Л. 9, 120, 121, 134, 135; Т. 4. — Л. 207.
27. ГАОО. — Ф. — Р-1561. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 86–88.
28. Там же. — Д. 3366-п. — Л. 167.
29. Там же. — Л. 169.
30. Там же. — Л. 161–162,167.
31. Там же. — Л. 177.
32. Там же. — Л. 178.
33. Там же. — Л. 224–225.
34. *Плесская Э. Г.* Подготовка национальных педагогических кадров для немецких школ Украины (1924–1938 гг.) // Немцы... Указ соч. — С. 296.
35. Там же. — С. 297–298.
36. Там же. — С. 295–300; Архив УСБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д. 7547. — Л. 73, 84.
37. *Плесская Э. Г.* Подготовка... // Указ соч. — С. 287–305.
38. Архив СБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д. 7547-п. — Л. 84, 93.
39. Там же. — Л. 10.
40. Там же. — Л. 81.
41. Там же. — Д. 3356-п. — Л. 113.
42. Там же. — Л. 116–117.
43. *Малинова Г. Л.* Дело антисоветской немецкой организации преподавателей Одесского педагогического института (1934 год) // Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти / сост.: Ковальчук Л. В., Разумов Г. А. — Одесса, 1997. — Т. 1. — С. 710–720.
44. Архив УСБУ по Одесской области. — Ф. П. — Д 15879-п.
45. ГАОО. — Ф. Р-1763. — Оп. 1. — Д. 782. — Л. 36–39.